

На правах рукописи

САРАЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА И ЕГО ОЦЕНКИ
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

**Специальность 5.6.5 Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Москва

2024

Работа выполнена в Отделе истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Дробышев Юлий Иванович

Официальные оппоненты:

Беляков Андрей Васильевич,
доктор исторических наук, ФГБУН «Институт российской истории РАН», Центр истории русского феодализма, ведущий научный сотрудник

Валеев Рамиль Миргасимович,
доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Казанский федеральный университет», кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, профессор

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»**

Защита диссертации состоится **«13» мая 2024 г. в 12 часов** на заседании диссертационного совета 24.1.041.01 на базе ФГБУН «Институт востоковедения РАН» по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.ivran.ru Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «___» апреля 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук
Петрова

А.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Изучение историко-культурного наследия кочевых народов Евразии долгое время оставалось предметом специального интереса небольшого числа путешественников, этнографов и востоковедов. Такой интерес всегда был экзотическим, неважно, смотрели ли на эти территории из Европы или из Китая¹. Между тем, для России история внутренней Евразии – это история ее собственной территории, а для народов, помимо русского, ее населяющих – история их прямых предков. Несмотря на то, что такой подход был впервые четко сформулирован еще в 20-е гг. XX в. («Евразийство»), общего признания он не нашел.

Неудовлетворенность многих народов России и постсоветского пространства своим скромным местом в общем историческом нарративе уже в наше время породила огромное количество взаимно противоречивых национальных мифов, создаваемых в рамках складывавшихся национальных историографий (в бывших союзных республиках) и в рамках регионалистских подходов (внутри собственно Российской Федерации)². Разрешить спор за исторических предков представители национальных интеллигенций между собой не могли, почему и понадобилось обращаться за помощью в академические учреждения Москвы и Санкт-Петербурга³. В немалой степени это стимулировало развитие исследований политической истории, материальной и духовной культуры народов Евразии в самой Российской Федерации. При этом очевидная необходимость обобщения разнобразного материала натолкнулась на острый недостаток современной литературы.

Последнее обстоятельство представляется ключевым для понимания того значения, которое на постсоветском пространстве обрела фигура Л.Н. Гумилева (1912–1992). Опыт *целостного обобщения* истории кочевников

¹ McGovern W.M. The Early Empires of Central Asia. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1939. P. 1. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-пресс, 2003. С. 123. Барфилд Т.Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай. – СПб.: Нестор-История, 2009. С. 36. Хоанг М. Чингисхан. – М.: Молодая гвардия, 2016. С. 30–32.

² Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 17–35.

³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. 2-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т.1 / [науч. ред. С.Г. Кляшторный; отв. ред. Р. А. Хакимов]. – Казань: Рухият, 2002. Аналогичную роль для изучения прошлого Кыргызстана и Туркмении сыграл В.М. Массон, как собственными трудами, так и организационной работой по привлечению других специалистов. См. Кутимов Ю.Г. Серия «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана» // Записки восточного отделения российского археологического общества. Т. 1 (XXVI). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 525-528. Кирчо Л.Б. Слово о юбиляре // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: сборник статей к 80-летию В.М. Масона. – СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 5-7. Виноградов Ю.А. Монархические титулы в истории древней Греции // Там же. С. 117-128.

Евразии *от древности до развитого средневековья* не ангажированной ни узко-национальным нарративом, ни марксистской идеологией в русскоязычной историографии советского периода был представлен только трудом Л.Н. Гумилева. Поэтому неудивительно, что и сторонники, и критики одинаково признают за Л.Н. Гумилевым особое место в российской исторической науке XX в.

Наследие Л.Н. Гумилева актуально для ученых всего постсоветского пространства и в немалой степени для ученых Европы, Турции, Монголии, США. Работы Л.Н. Гумилева изданы в переводах на английский, французский, испанский, итальянский, польский, чешский, венгерский, турецкий, казахский языки.

По другую сторону от научного сообщества находится широкий круг читателей, который только и может сделать того или иного историка «самым известным». Книги Л.Н. Гумилева не только издаются, но и читаются, причем спрос на них не ослабевает⁴.

Есть еще одна сторона, условно, «официальная», воспринимающая Л.Н. Гумилева как *символ*. Так, имя Л.Н. Гумилева присвоено Евразийскому национальному университету в столице Казахстана, а один из прежде безымянных пиков в казахстанской части Горного Алтая получил наименование «пик 90-летия Л.Н. Гумилева». В 2005 г. в центре Казани установлен памятник Л.Н. Гумилеву. Памятник всей семье Гумилевых установлен в г. Бежецк Тверской области. По инициативе и при финансовой поддержке Республики Татарстан в Санкт-Петербурге установлена памятная доска на доме, где жил Л.Н. Гумилев. Похоронен Л.Н. Гумилев на Никольском кладбище Александро-Невской лавры среди известных людей прошлого и современности, а в 2011 г. на средства Республики Татарстан на могиле было обновлено надгробие. Юбилейные торжества к 100-летию Л.Н. Гумилева в 2012 г. были появлением «улицы Льва Гумилева» в г. Элиста. В 2015 г. во дворе Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета и в 2016 г. в Горно-Алтайске (у здания государственного университета) были открыты очередные памятники Л.Н. Гумилеву. Один из самолетов авиакомпании «Аэрофлот» носит имя «L. Gumilev».

Очерченная картина может создать впечатление изученности и, в общем, не проблемного состояния научного наследия Л.Н. Гумилева. Однако всё намного сложнее. За три десятилетия, прошедших со смерти Л.Н. Гумилева, сформировался его образ, уже далекий от реальности. Так, для научного сообщества, в целом, есть три варианта восприятия Л.Н. Гумилева: в *первом* случае, при всех минусах, он признается выдающимся ученым; во *втором* – ему отводится скромная роль популяризатора истории евразийских степей и создателя спорной пассионарной теории; в *третьем* – любые его заслуги отрицаются.

⁴ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. С 85–87.

Неизменность соотношения всех трех подходов подтвердила состоявшаяся в конце 2022 г. на страницах «Этнографического обозрения» дискуссия, одним из центральных персонажей которой оказался Л.Н. Гумилев⁵.

Несмотря на обилие литературы, посвященной Л.Н. Гумилеву, включая и защищенные диссертационные работы (в основном, философско-культурологического характера и лишь одна – источниковедческого)⁶, комплексный, системный подход к наследию ученого на основе изучения его опубликованных работ, дискуссий вокруг них, документов его личного архива, материалов переписки, воспоминаний о нем до сих пор не предпринимался. Необходимость такого подхода несомненна, поскольку фигура Гумилева как важнейшего представителя русской историографии второй половины XX в. уже, очевидно, стала самостоятельным объектом изучения. Только при целостном подходе может быть правильно оценен весь объем накопленных частных исследований и ряда обобщений, а также выявлены вопросы, требующие дополнительной разработки, и намечена перспектива дальнейших исследований научного наследия Л.Н. Гумилева

Степень разработанности темы. Специально посвященных Л.Н. Гумилеву монографических работ относительно немного, зато во многих сотнях статей и книг⁷ затрагиваются отдельные аспекты его научного творчества или хотя бы упоминается его имя. Имея дело с библиографией работ о Л.Н. Гумилеве необходимо, во-первых, ограничиться аспектом – историей и культурой народов внутренней Евразии (Центральной Азии); во-вторых, релевантные для избранной темы исследования целесообразно разделить на: 1) посвященные собственно Л.Н. Гумилеву – биографические; 2) работы, в которых анализируются взгляды и концепции Л.Н. Гумилева в применении к избранной теме.

Первая попытка целостного описания жизни и творчества Л.Н. Гумилева принадлежит С.Б. Лаврову⁸. Научному наследию Л.Н. Гумилева посвящена только часть глав его книги, в которых автор пытается на основе

⁵ Алымов С.С., Перепелкин Л.С., Соколовский С.В., Тишков В.А., Шнирельман В.А., Верховцев Д.В.

Этнос post-mortem: размышления и комментарии // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 102–131.

⁶ Ищенко Е.Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2004. Бондарев А.В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2008. Киркин М.А. Философско-историческое содержание теории этногенеза Л.Н. Гумилева: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. фак.]. – М., 2011. Курцев Т.И. Принципы неоднородности и однородности в пассионарной концепции этногенеза: философско-культурологический анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 24.00.01 / [Место защиты: Казан. гос. ун-т культуры и искусств]. – Казань, 2015. Воронович А.В. Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: автореферат дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 2012.

⁷ Воронович А.В. Материалы к биографии работ о Л.Н. Гумилеве // Л.Н. Гумилев: pro et contra. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. С. 861–909.

⁸ Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. – М.: Сварог и К, 2000.

разного рода документов установить обстоятельства вхождения Л.Н. Гумилева в науку и причины неизменных столкновений с коллегами, найти истоки и проанализировать содержание базовых идей Л.Н. Гумилева.

Обстоятельная статья А.И. Куркчи⁹ (а также его предисловия и комментарии к изданиям работ Л.Н. Гумилева) дает общую оценку наследию Л.Н. Гумилева, раскрывает сюжеты, оставшиеся за пределами опубликованных работ; в ней впервые ставится вопрос о причинах изначального неприятия Л.Н. Гумилева востоковедной средой. Ценность работ А.И. Куркчи состоит в том, что автор, близко знавший Л.Н. Гумилева не одно десятилетие, осведомлен во многих вопросах непосредственно «из первых рук».

Объемные, насыщенные фактами и размышлениями, снабженные подробными библиографиями статьи А.В. Бондарева ставят целью обобщить как магистральные идеи самого Л.Н. Гумилева, так и основные подходы и концептуальные проблемы, сложившиеся вокруг изучения его научного наследия¹⁰.

Несмотря на обобщенное название «Россия и Евразия», половина книги А.В. Логинова посвящена специально изложению (последовательному и весьма вдумчивому) и интерпретации взглядов Л.Н. Гумилева¹¹. По своему содержанию книга должна быть отнесена скорее к справочной или учебной литературе. Автор не скрывает некоторой компилятивности своего замысла.

К справочно-исследовательскому типу также следует отнести монографию С.Г. Павочки «Этнология Л.Н. Гумилева»¹². Автором проработан внушительный комплекс литературы, подчас труднодоступной, в том числе малотиражные сборники 1980–1990-х гг., депонированные рукописи и диссертации. В этом смысле библиографический список монографии обладает самостоятельной ценностью. С другой стороны, на фоне глубокой проработки фактического материала особенно контрастно выглядит слабость аналитической части работы: евразийство, русский космизм, натурфилософия, «цивилизационный подход», постсоветская дискуссия о «примордиалистских» и «конструктивистских» концепциях этноса не только мало или совсем никак не связаны друг с другом, но и к «этнологии Л.Н. Гумилева» имеют весьма посредственное отношение.

Небольшая книга Т.Л. Фроловской «Евразийский лев»¹³ чрезвычайно субъективна. Автора больше интересуют бытовые подробности жизни

⁹ Куркчи А.И. Л.Н. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: ДИ-ДИК, 1997. С. 23–78.

¹⁰ Бондарев А.В. Личность и идейное наследие Л. Н. Гумилева: мифологемы восприятия и проблемы понимания // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1. С. 195–223. Бондарев А.В. Феномен Л.Н. Гумилева // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2012. С. 44–69.

¹¹ Логинов А.В. Россия и Евразия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. С. 221–529.

¹² Павочка С.Г. Этнология Л.Н. Гумилева: истоки и сущность. – Гродно: ГГАУ, 2011.

¹³ Фроловская Т. Евразийский лев. – Семипалатинск: Международный клуб Абая, 2003.

Л.Н. Гумилева, в то время как представления о его научных исследованиях не отличаются ни глубиной проработки, ни даже элементарным пониманием их содержания.

Одну из ранних попыток дать общий обзор биографии и научного наследия Л.Н. Гумилева предпринял киевский независимый исследователь Н.И. Жарких. Работа «Жизнь и творчество Льва Гумилева», написанная на украинском языке, была доступна в электронном виде в сети Интернет с середины 2000-х гг., но, кажется, так и не обрела форму печатной книги. Автор, являясь безусловным сторонником Гумилева и в то же время стараясь продемонстрировать некоторую долю беспристрастности, избрал, думается, не лучший способ аргументации: выявить все, как он полагает, слабые или сомнительные места в трудах Гумилева и показать их даже большую несостоятельность, чем это считали непосредственные критики, а затем по каждому такому сюжету резюмировать, что это не главное, чем наследие Гумилева ценно¹⁴.

Биография Л.Н. Гумилева в серии «Жизнь замечательных людей»¹⁵ имеет ряд принципиальных недостатков. В первую очередь, это касается приписывания Л.Н. Гумилеву разделяемых автором паранаучных представлений (славянство гуннов, «Гиперборея», «сакральные энергии»). Также автор демонстрирует слабое понимание трудов Л.Н. Гумилева, фактически искажая их содержание в своем пересказе. С другой стороны, многие страницы книги В.Н. Демина, наоборот, представляют собой раскавыченные и никак по-другому не обозначенные прямые цитаты из Л.Н. Гумилева.

Последняя по времени выхода биографическая книга о Л.Н. Гумилеве написана в беллетристическом жанре, но одновременно претендует на решение узловых проблем его научного наследия¹⁶. Наиболее серьезный недостаток книги С.С. Беякова – наличие домыслов, выдаваемых автором за факты. Из их числа совершенно недопустимый – предположение о плагиате Л.Н. Гумилева в его ключевой восточноведной монографии «Древние тюрки». Некритично восприняв материалы переписки из архива ученого, автор пришел к решительному выводу, что Л.Н. Гумилев присвоил труд своего коллеги М.Ф. Хвана, состоявший в реконструкции имен тюркских правителей для приложения к «Древним тюркам»¹⁷. Это опровергается хотя бы наличием аналогичного аннотированного списка членов рода Ашина в защищенной в 1948 г. Л.Н. Гумилевым кандидатской диссертации. С М.Ф. Хваном тогда он еще даже не был знаком.

¹⁴ Прямая авторская формулировка в pdf-версии его исследования: Жарких М.І. Життя і творчість Льва Гумільова. – Київ, 2004 / URL: https://www.academia.edu/26710400/Життя_і_творчість_Льва_Гумільова (дата обращения: 27.07.2022). С. 149.

¹⁵ Демина В.Н. Лев Гумилёв. – М.: Молодая гвардия, 2007.

¹⁶ Беяков С.С. Гумилев сын Гумилева. – М.: Астрель, 2012.

¹⁷ Беяков С.С. Гумилев сын Гумилева. С. 343.

К исследовательским биографиям, посвященным Л.Н. Гумилеву, при-
мыкает книга И.Ю. Смирнова. По степени субъективности она не уступает
работам Т.Л. Флоровской и С.С. Белякова. Несмотря на наличие глав и па-
раграфов, книга И.Ю. Смирнова представляет скорее публикацию чита-
тельского дневника. Мысли автора следуют в ней хаотично, не подчиняясь
какой-либо логике. Например, разделы о евразийстве Гумилева и о его
взгляде на русско-ордынские отношения сменяются разделами об общении
Гумилева с почвоведом и генетиками¹⁸. Самостоятельное значение имеет
попытка автора на основе данных генетики дать новое объяснение меха-
низма пассионарности. Однако попытки биолога поправлять Гумилева по
части востоковедения выглядят несерьезно¹⁹.

В то же время в рамках специальных дисциплин (история²⁰,
археология²¹, тюркология²², монголоведение²³, кочевниковедение²⁴,
этнография²⁵) вышло немало работ, использующих наследие Л.Н. Гумиле-
ва без ярлыков и штампов, без необоснованной критики, но и без восхва-
лений.

Более всего объективное обращение к наследию Л.Н. Гумилева рас-
пространяется на комплекс его работ по проблемам этногенеза. Благодаря
своей междисциплинарности они уже заняли прочное место в российской
науке и культуре²⁶. Даже при сохранении линии стойкого их отрицания в

¹⁸ Смирнов И.Ю. Взлеты и провалы в истории этносов. О жизни и творчестве Л.Н. Гумилева – взгляд из XXI в. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 68–80.

¹⁹ Смирнов И.Ю. Взлеты и провалы в истории этносов. С. 42, 81.

²⁰ Ващенко Э.Д. «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. Дмитриев В.А. Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешне-политическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VI в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. – СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 510–516. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. – СПб.: Евразия, 2014.

²¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2009. Азбелев П.П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии / URL: <http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm> (12.06.2023).

²² Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1980. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. – М.: ИНСАН, 2008.

²³ Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994.

²⁴ Фахрутдинов Р.Г. Кочевой мир средневековой Евразии (Обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // Татарская археология 1998. №2. С. 25–46. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 4-е, перераб. и доп. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский и Великая степь. – СПб.: Евразия, 2023. Дашковский П.К., Васютин С.А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). – М.: ИВ РАН, 2014.

²⁵ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни. Том 2. – СПб.: Наука, 2010. Павлинская Л.Р. Сибирь в контексте евразийской теории // Евразия: Этнос, ландшафт, культура. – СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 20–83. *Ее же*. Некоторые особенности формирования Российской империи // Сибирский сборник – 3. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 163–175.

²⁶ Верховцев Д.В. Этнос post-mortem... С. 89, 94.

академической этнологии, они вряд ли будут забыты в этнологии университетской²⁷.

Значительное число исследователей не скрывает настороженного или негативного отношения к Л.Н. Гумилеву. Для данной группы ограничимся лишь несколькими характерными примерами.

Критику Л.Н. Гумилева нередко связывают с именами Л.С. Клейна и В.А. Шнирельмана, посвятивших немало страниц в своих работах анализу его наследия. При этом Л.С. Клейна было бы неправильно записывать в число исследователей, однозначно отрицающих научную значимость наследия Гумилева. Так, если его определение Гумилева как «лукавого мифотворца»²⁸ нашло немало сторонников, то другие определения – как «известного ученого-археолога»²⁹ и «известного историка»³⁰ – остались фактически незамеченными в научной среде. Однако высказал их один и тот же автор.

Развенчиванию Л.Н. Гумилева как ученого ряд статей и монографий посвятил В.А. Шнирельман. Его неприятие связано с убеждением, что Л.Н. Гумилев являлся активным антисемитом, а значительная часть его наследия выстроена вокруг еврейского вопроса³¹. Какую бы то ни было оригинальность и научную ценность этнологических и историко-востоковедных работ Л.Н. Гумилева В.А. Шнирельман отрицает, полагая, что Гумилев был способен только на заимствования и компиляцию.

Попытка всеохватно-критического подхода к наследию Л.Н. Гумилева предпринята Л.А. Мосионжником³². Развивая мнение Л.С. Клейна и В.А. Шнирельмана о расистско-нацистском характере отдельных воззрений Гумилева, Л.А. Мосионжник попытался подкрепить это на основе «количественного анализа», а результаты представил в целой серии таблиц³³. Набор критериев для этого анализа («расизм», «влияние ландшафта на культуру», «индальгенция для избранных», «завышенная самооценка автора», «художественные определения» – всего тридцать пунктов) и состав участников (Л.Н. Гумилев, А. Розенберг, «Г. Вирт и "Ура Линда"», О. Шпенглер, Н.С.

²⁷ Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. – М.: Изд-во МГУ, 2007. Бузин В.С. Пассионарная теория этноса Льва Николаевича Гумилева: Учеб. пособие. – СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2010. Этнология (Этнография): учебник для бакалавров / под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. – М.: Издательство Юрайт, 2014.

²⁸ Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Нева. 1991. №4. С. 228–246. С. 231. Клейн Л.С. Пассионарность – красивый миф / URL: <http://antropogenez.ru/interview/717/> (дата обращения: 30.10.2023). Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. С. 181.

²⁹ Клейн Л.С. Время в археологии. – СПб.: Евразия, 2014. С. 5, 96.

³⁰ Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. С. 34, 49.

³¹ Шнирельман В.А. Хазарский миф. – М.–Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2012. С. 52, 57, 59, 63–65.

³² Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. – СПб.: Нестор-История, 2012.

³³ Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. С. 314–327.

Трубецкой, В.Н. Дёмин, А.Дж. Тойнби, Дж.Р.Р. Толкиен) вызвали недоумение даже у настроенного исключительно позитивно рецензента³⁴.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что честь открытия ряда направлений в изучении наследия Л.Н. Гумилева, несмотря на резко негативное отношение к нему, принадлежит именно его непримиримым критикам: В.А. Шнирельману и К.Г. Фрумкину³⁵ (изучение круга чтения Гумилева, с целью вскрыть идейные истоки его концепций и взглядов), Л.А. Мосионжнику (изучение картографического наследия Гумилева), М. Ларюэль (вопрос о роли хронологических схем в работах Гумилева³⁶).

Отдельного рассмотрения заслуживают диссертации, полностью или в значительной степени посвященные Л.Н. Гумилеву или темам, напрямую затрагивающим его научное наследие.

Диссертация А.Д. Гомбожапова³⁷, несмотря на достаточную проработку критической литературы, в базовых выводах в отношении наследия Л.Н. Гумилева скорее негативна. Так, по мнению автора, «ошибки, сводящиеся к источниковедческой стороне, произвольной интерпретации некоторых событий истории..., а также имеющиеся фактические неточности» в работах Л.Н. Гумилева «не снижают их научной значимости, как крупных теоретико-обобщающих работ по истории кочевых народов Центральной Азии»³⁸. В другом месте говорится: «Анализ критических работ, посвященных трудам Л.Н. Гумилева..., подводит автора к выводу, что основные взгляды ученого... в целом согласуются с современными представлениями кочевниковедов... Раскрытие же ученым этнических процессов на основе его концепции этногенеза... не выдерживает критики»³⁹.

В диссертации Р.Т. Ганиева, посвященной истории Восточно-тюркского каганата, отмечается, что специальной работы, по данной теме не существует⁴⁰. Самой близкой он называет работу Л.Н. Гумилева «Древние тюрки»: «Но даже в ней, несмотря на название, объектом изучения являются отнюдь не тюрки, а всемирная история в Центральной Азии с IV по

³⁴ Арутюнов С.А. Рец. на: Л.А. Мосионжник. Технология исторического мифа / Отв. ред. С.Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2012. 416 с. // Этнографическое обозрение. 2015. №1. С. 180–182. С. 181–182.

³⁵ Фрумкин К.Г. Пассионарность: приключения одной идеи. – М.: ЛКИ, 2008.

³⁶ Laruelle M. Lev Nikolaevič Gumilev (1912–1992): biologisme et eurasisme dans la pensée russe // Revue des études slaves. T. 72, fasc. 1-2. 2000. P. 163–189. P. 169–170.

³⁷ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. – Улан-Удэ, 2008.

³⁸ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2008. С. 11.

³⁹ Там же. С. 20.

⁴⁰ Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006. С. 4. Под «Восточно-тюркским каганатом» автор понимает и восточную половину Первого тюркского каганата (546–603), и собственно Восточно-тюркский (603–630), и Второй тюркский каганаты (679–745).

Х вв.»⁴¹. Такая оговорка представляется не вполне корректной. Во-первых, упускается кандидатская диссертация Л.Н. Гумилева, полностью совпадающая с темой Р.Т. Ганиева. Во-вторых, «Древние тюрки» опубликованы на основе докторской диссертации «Древние тюрки VI–VIII вв.», то есть именно «тюрки», а не «всемирная история в Центральной Азии с IV по X вв.».

Диссертация Ю.И. Дробышева напрямую продолжает генеральную линию наследия Л.Н. Гумилева – изучение влияния природы на жизнь и историю кочевников Великой степи. По мнению Ю.И. Дробышева, «этот неординарный исследователь приобрел и восторженных поклонников, и не знающих снисхождения критиков. Его трактовка некоторых политических событий в Центральной Азии, основанная на устаревших и зачастую неточных переводах источников, действительно, не всегда может быть принята. Однако безусловной заслугой Л.Н. Гумилева является то, что он наглядно показал важность географического фактора в истории этого региона...»⁴². Приведенная характеристика – одна из наиболее объективных, но и она не свободна от сложившихся стереотипов о Л.Н. Гумилеве. Так, «устаревшими и неточными переводами» с середины XIX в. до 1970-х гг. пользовались абсолютно все историки, этнографы и археологи, не знавшие китайского языка (включая не только Г.Е. Грумм-Гржимайло, но и В.В. Бартольда и К.А. Инostrанцева).

Применительно к анализу работ Л.Н. Гумилева диссертация В.В. Тишина в значительной степени следует критической линии: «Кроме полного отсутствия методологической базы в построениях Л.Н. Гумилева, его работы отличает не критическое и поверхностное отношение к данным источников и избирательная подборка литературы. Его книга "Древние тюрки" представляет собой лишь пересказ переводов китайских текстов, выполненных Н.Я. Бичуриным, Э. Шаванном и Лю Мао-цай, она имеет значение лишь как попытка написания целостной истории древних тюрков в период VI–IX вв., но выводы и гипотезы Л.Н. Гумилева, в основном, не имели оснований, а в целом книга быстро устарела в связи с открытием в 60-е–70-е гг. XX в. новых источников»⁴³. Впрочем, факты положительных оценок Л.Н. Гумилева коллегами В.В. Тишин не замалчивает⁴⁴.

Новейшая диссертация, связанная с именем Л.Н. Гумилева, рассматривает аспекты научности его наследия в сравнении с взглядами Э.С.

⁴¹ Ганиев Р.Т. Восточно-тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии...: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2006. – 219 с.: ил. С. 60-61.

⁴² Дробышев Ю.И. История взаимодействия человека и природы в Центрально-Азиатских кочевых обществах раннего средневековья: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2008. С. 26. *Его же*. Историография изучения этнической экологии монгольских кочевников Центральной Азии // *Mongolica-VIII*. СПб., 2008. С. 37–49. С. 42.

⁴³ Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2015. С. 114.

⁴⁴ Тишин В.В. Историография социальной истории Тюркского каганата... С. 106–107.

Кульпина-Губайдуллина⁴⁵. Однако общая оценка значимости работ Гумилева не содержит ни одного научного критерия и основана больше на эмоциональных эпитетах: «На фоне скучных, хотя и идейно выдержанных трудов большинства официальных историков, книги Гумилева ощущались глотком свежего воздуха, ворвавшимся в душную идейную атмосферу»⁴⁶.

К настоящему времени сложился внушительный класс работ, где имя Л.Н. Гумилева присутствует в качестве символа, но никак не влияет на их содержание. Самым характерным примером являются материалы конференций памяти ученого. Материалы юбилейных конференций к 100-летию Л.Н. Гумилева количественно превзошли все предшествующие⁴⁷, но не внесли принципиально нового в изучение его наследия. По-прежнему в статьях, затрагивающих аспекты этнокультурной истории Евразии, на Л.Н. Гумилева нет или почти нет ссылок, а иногда при его упоминании даже утверждается нечто противоположное его взглядам⁴⁸. 110-летие ученого отмечено публикацией только одного сборника в Казахстане и, в целом, прошло значительно скромнее предшествующего юбилея⁴⁹.

Стереотип о непререкаемом авторитете Л.Н. Гумилева среди татарских и казахских историков опровергается при ближайшем рассмотрении их обобщающих работ, в которых Гумилеву отводится довольно скромное место. Так, в историографическом разделе коллективной «Истории Казахстана» Л.Н. Гумилеву на словах отдается дань уважения⁵⁰, но далее во всем томе на него не следует ни одной ссылки. В коллективном исследовании о мифологемах в изучении истории Казахстана существование Л.Н. Гумилева как *историка-востоковеда* вовсе не замечено, вместо чего авторы сконцентрировались на нем как на «*мифотворце*», который якобы «внес свою лепту в сталинскую концепцию этноса»⁵¹. Представленная авторами критика теории этногенеза заимствована из чужих работ⁵², а на работы самого Л.Н. Гумилева ссылок нет.

⁴⁵ Маслова Е.К. Социоестественные подходы к истории: проблема определения научности знания на примере концепций Л. Н. Гумилева и Э. С. Кульпина: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет]. – Томск, 2019.

⁴⁶ Маслова Е.К. Социоестественные подходы к истории... С. 180.

⁴⁷ Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.

⁴⁸ Ушницкий В.В. Кыргызское великодержавие IX-X вв. // Научное наследие Л.Н. Гумилева... С. 228–231. Ср.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: Наука, 1970. С. 66.

⁴⁹ XIX Евразийский форум в честь 110-летия Льва Гумилева провели в ЕНУ / URL:

<https://old.enu.kz/ru/info/novosti-enu/68960/> (дата обращения: 12.12.2023). Программа форума не опубликована, сборник «Материалы XIX Международного Евразийского научного форума "Лев Гумилев и Великая степь: история и современность"», 14.10.2022. Астана» мне недоступен.

⁵⁰ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. I. – Алматы: Атамұра, 1996. С. 55.

⁵¹ Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 53.

⁵² Там же. С. 53–56, 127–128.

В коллективной «Истории татар» Л.Н. Гумилеву дается более взвешенная, но все же весьма критическая оценка: «Особого упоминания заслуживают оригинальные труды Л.Н. Гумилева... Наиболее важные из них... не только прорвали монополию официальной науки на трактовку истории Золотой Орды, ...но и аргументировано и последовательно отвергали современные политические оценки, навязываемые прошлому. Недаром труды "последнего евразийца", не лишённые, конечно, ошибок и концептуальных изъянов (особенно в анализе источников и теории этногенеза), вызвали откровенную ненависть, едва прикрытую академической научностью, со стороны официальной историографии...»⁵³.

В коллективной «Истории Калмыкии» при вполне положительных ссылках на хазароведческие исследования Гумилева⁵⁴, фактически не нашли применения его монголоведческие работы.

Определённый интерес к личности и взглядам Гумилева проявляют исследователи и за пределами постсоветского пространства. Впрочем, возможности зарубежной историографии в освоении научного наследия Гумилева не следует преувеличивать. Можно выделить две группы работ: 1) рецензии на труды Гумилева⁵⁵ и довольно редкие ссылки на него в статьях и монографиях зарубежных авторов⁵⁶; 2) обобщающие научное наследие Гумилева исследования⁵⁷. Однако даже в первой группе прослеживается линия восприятия трудов Гумилева как артефактов чуждой культуры, основное содержание которых вторично по отношению к внешней форме. Например, рецензенты, не сговариваясь, занимались подсчетом ссылок Гумилева на «западных» авторов и одинаково упрекали его в неупоминании кого-либо конкретного, причем зачастую вследствие своей невнимательности.

Большая же часть посвященных Гумилеву западных работ, начиная с самой первой⁵⁸ и вплоть до новейших⁵⁹, имеет откровенно советологический уклон. По сути, это политологические работы, какую бы часть насле-

⁵³ История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). – Казань, 2009. С. 31-32.

⁵⁴ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. – Элиста: Герел, 2009. С. 79, 719.

⁵⁵ Aubin F. L'Asie Centrale Prémoderne. [Review of Drevnie Tjurki; Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-zeit (960-1028) (Asiatische Forschungen, Bd 24), by L. N. Gumilev & E. Pinks] // L'Année Sociologique. 1969. Vol. 20, pp. 285–286. Beckingham C. Searches for an Imaginary Kingdom. The legend of the kingdom of Prester John. By L.N. Gumilev. (Trans. R.E.F. Smith.) Pp. xix, 403, incl. 1 plate and 4 maps. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1988) (first publ. in Russian, 1970) // The Journal of Ecclesiastical History. 1989. Vol. 40. Iss. 2, pp. 306–307. Golden P.B. Review of 'L.N. Gumilev. Searches for an imaginary kingdom...' // The Journal of Asian Studies 1990. №49, pp. 121–122.

⁵⁶ Clauson G. Turkish and Mongolian studies. – London: The Royal Asiatic Society, 1962. P. 7–8, 22. Maenchen-Helfen O. The World of the Huns: Studies in their history and culture: [ed. by Max Knight]. – Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1973. P. XXIX, 434, 447. Ratchnevsky P. Genghis Khan: his life and legacy. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1993. P. 58–59, 245.

⁵⁷ Bassin M. The Gumilev mystique: biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016.

⁵⁸ Грэхэм Л.П. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1991. С. 250–256.

⁵⁹ Racyn M. Šestisetleté výročí bitvy na Kulikovském poli: Rusofobie a eurasijsství L.N. Gumileva v 80. letech 20. století // Studia historica Brunensia. 2021. Vol. 68. Iss. 2, pp. 261–275.

для Гумилева они не изучали. Например, только политической направленностью можно объяснить настойчивые попытки некоторых зарубежных исследователей выявить отрицательное отношение Гумилева к народам степной Евразии⁶⁰, чего без очевидных натяжек сделать невозможно.

Таким образом, аналитический обзор существующих направлений в изучении историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева позволяет определить объект и предмет исследования.

Объект исследования – научное наследие Л.Н. Гумилева и его критика.

Предмет исследования – концептуальные идеи и конкретно-исторические исследования Л.Н. Гумилева по истории народов Евразии и их критический анализ.

Цель исследования – создание объективной картины состояния научного наследия Л.Н. Гумилева на основе анализа его опубликованных работ, архивных данных и корпуса критики его трудов в профессиональной научной среде, начиная с 1930-х гг. и до настоящего времени. Выбор нижней хронологической границы обусловлен временем вхождения Л.Н. Гумилева в академическую науку (оформление научных интересов, первые научные труды, подготовка и защита кандидатской диссертации), верхняя граница – наши дни, когда споры вокруг наследия ученого по-прежнему не утихают.

Задачи исследования:

- изучение взаимоотношений Л.Н. Гумилева и научного сообщества 1930–начала 1990-х гг. для определения его места в академической науке, а также характера личностных симпатий и антипатий, наложивших отпечаток на восприятие его научных трудов;
- выявление истоков и эволюции концептуальных (исторических, методологических, мировоззренческих) идей Л.Н. Гумилева;
- анализ содержания конкретно-исторических работ Л.Н. Гумилева и изучение созданной им общей концепции политической, этнической, культурной истории Евразийских степей;
- анализ критики историко-востоковедных работ Л.Н. Гумилева – прижизненной, с его ответами на нее, и современного состояния критики;
- определение современного состояния значимости научного наследия Л.Н. Гумилева в рамках отечественной исторической науки.

Рабочая гипотеза исследования. В качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем положение, согласно которому довольно настороженное отношение академического сообщества к Л.Н. Гумилеву обусловлено не столько собственно научными причинами (расхождение его позиций по целому

⁶⁰ Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии / Acta Eurasica. 2001. №4 (15). С. 5–19. С. 14. Балзер М.М. Новый взгляд на евразийство: от Чингисхана до Льва Гумилёва // Антропология и этнология: современный взгляд. К 80-летию академика РАН В.А. Тишкова / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 388–400. С. 395.

ряду вопросов со взглядами его коллег), сколько внеучными причинами и обстоятельствами (идеологические расхождения, специфическая ситуация внутри научной среды советского и постсоветского времени, борьба между различными научными направлениями и группами, особенности научного этоса и этикета). При этом следует признать, что научное наследие Л.Н. Гумилева в полной мере нормативно, то есть отвечает всем необходимым критериям научности знания, даже в том, что касается наличия ошибок («принцип фальсифицируемости»).

Источниковая база исследования. Главным источником настоящего исследования является научное наследие Л.Н. Гумилева. Оно огромно и разнопланово – более двухсот позиций в сводной библиографии⁶¹, но самостоятельных книг, опубликованных при жизни Л.Н. Гумилева, всего одиннадцать⁶².

Единого научно выверенного собрания работ Гумилева по-прежнему не существует. Ни одно из так называемых «собраний сочинений» не соответствует заявляемому статусу. Проблема заключается вовсе не в степени полноты этих изданий, а в качестве и даже в авторстве публикуемых в них текстов, зачастую содержащих чуждые первым прижизненным изданиям фрагменты. Данный вопрос уже был детально рассмотрен в специальной статье⁶³.

Из неизданных крупных работ Л.Н. Гумилева остается только его кандидатская диссертация «Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг.» (Л., 1947. 312 машинописных листов + 5 л. исторических карт), единственный экземпляр⁶⁴ которой хранится в музее-квартире Л.Н. Гумилева в Санкт-Петербурге.

Помимо собственно трудов Л.Н. Гумилева в качестве источников использована их опубликованная критика, а также отечественные и зарубежные исследования, близкие по тематике соответствующим трудам Гумилева.

Также использована биографическая и мемуарная литература о Гумилеве, его переписка (в том числе неопубликованная) и другие архивные материалы, хранящиеся в музее-квартире Л.Н. Гумилева. В частности, упомянутая выше кандидатская диссертация и лагерные рукописи, легшие в основу книг «Хунну» и «Хунны в Китае» и ряда статей.

⁶¹ Каримуллин А.Г. Лев Николаевич Гумилев. Библиографический указатель. – Казань, 1990. По понятной причине в указателе не отражены последние годы жизни Гумилева, когда его работы выходили с небывалой активностью.

⁶² «Хунну», «Открытие Хазарии», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства», «Хунны в Китае», «Старобурятская живопись», «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «География этноса в исторический период», «Тысячелетие вокруг Каспия», «От Руси до России».

⁶³ Сараев А.С. Какого Л.Н. Гумилева мы знаем? // Восток. 2016. №3. С. 96–115.

⁶⁴ Что экземпляр единственный, косвенно подтверждает лагерная переписка Гумилева с А.А. Ахматовой. См. «Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...» // Звезда. 2007. №8. С. 124 (письмо от 2 февраля 1951 г.), 131 (письмо от 20 июля 1952 г.).

Самостоятельным источником исследования стала личная библиотека Л.Н. Гумилева. До некоторой степени⁶⁵ она дает представление о его круге чтения и об источниках его работ. Дарственные надписи на книгах и оттисках статей – важное свидетельство личных контактов Гумилева. Причем некоторые из дарственных надписей оставлены самыми непримиримыми его оппонентами. Встречаются вложенными в книги и целые письма от их авторов. Немало сведений дают маргиналии на полях, оставленные Гумилевым при чтении книг и статей. В одном случае их оказалось настолько много, что они позволили восстановить в общих чертах содержание неопубликованной и, видимо, несохранившейся рецензии Гумилева на монографию А. Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоненейских тюрок».

К настоящему времени издан значительный массив источников об Л.Н. Гумилеве. Это, прежде всего, сборники воспоминаний о нем и часть его переписки⁶⁶. Фотографическое воспроизведение ряда архивных документов, фотоматериалы, некоторые воспоминания и письма вошли в сборник, составленный Ш. К. Ахметшиным, и в сборник, изданный музеем А.А. Ахматовой⁶⁷.

Научная новизна исследования:

- Обосновывается оригинальность и важность историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева, которое рассматривается в контексте не только своего содержания, но и восприятия научной средой сквозь призму отношения к автору.
- Впервые предпринята попытка реконструкции ранних идей Л.Н. Гумилева и сквозных тем его научного наследия, между которыми установлена связь.

⁶⁵ Не все книги сохранились. Кроме того, часть библиотеки находилась в московской квартире Н.В. Гумилевой.

⁶⁶ Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования: [Сост. и комм. Воронович В.Н., Козырева М.Г.] – СПб.: Росток, 2003. «Живя в чужих словах...»: воспоминания о Л.Н. Гумилеве: [Сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. – СПб.: Росток, 2006. Лавров С.Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. Л.Н. Гумилев: pro et contra [антология / вступ. статья Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; сост., коммент. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; при участии А.В. Бондарева, А.В. Воронович, М.Г. Козыревой, А.Б. Панченко, О.В. Плебанек, А.С. Сараева]. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. Герштейн Э. Мемуары. – М.: Захаров, 2002. С. 433–434, 488–541. «И зачем нужно было столько лгать?» Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря. 1950–1956: [сост. Т. Позднякова и М. Козырева]. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме–Агат, 2005. Переписка А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилевым // Звезда. 1994. № 4. С. 170–188. «Милая, дорогая мамочка... – Дорогой мой сынок Левушка...». Переписка Л.Н. Гумилева и А.А. Ахматовой (1950 – сер. 1954) // Звезда. 2007. №8. С. 122–148. Лев Николаевич Гумилев. Письма к матери брата, О.Н. Высотской, другу, В.Н. Абросову и брату, О.Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г.М. Прохоров]. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. Воронович А.В., Козырева М.Г. Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год // Геополитика и безопасность. 2008. №4. С. 86–101.

⁶⁷ Ахметшин Ш.К. Лев Николаевич Гумилев. – СПб.: Славия, 2011. «И все-таки я счастливый человек...» Лев Гумилев. Фотолетопись. Фотографии и документы из собрания музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме: Каталог. – СПб., 2014.

– Впервые анализ наследия Л.Н. Гумилева проводится на комплексной основе – с использованием как опубликованных работ и источников, так и документов, хранящихся в личном архиве ученого.

– Впервые вводятся в научный оборот такие источники, как маргиналии и дарственные надписи на книгах из личной библиотеки Л.Н. Гумилева, не публиковавшиеся материалы его кандидатской диссертации и других рукописей.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В распоряжении современного исследователя научного наследия Л.Н. Гумилева есть важное методологическое преимущество, которым не обладали его коллеги. Это преимущество – *временная дистанция*. Под ней мы понимаем возможность ознакомиться с наследием Л.Н. Гумилева во всей его полноте; рассматривать его работы в любом порядке, а не в том, в каком они выходили, что дает возможность восстановить подлинную эволюцию взглядов ученого, в отличие от той, какой она представлялась его современникам. Равно теперь есть возможность проследить этапы критики работ Л.Н. Гумилева и, что особенно важно и интересно, эволюцию критики одних и тех же его оппонентов. Анализируя критику, современную Л.Н. Гумилеву, необходимо всегда помнить о ее идеологической составляющей и учитывать конкретные обстоятельства. Наконец, у нас есть возможность проверить одновременно выводы Гумилева и аргументы его критиков на основе их сравнения с современными научными достижениями, как по части конкретных фактов, так и в общетеоретическом аспекте. Также мы можем оценить степень востребованности современной наукой наследия Л.Н. Гумилева. Все это позволяет максимально учесть все «за» и «против» в оценках его наследия. Необходимо оговориться, что в случаях полемики с работами авторов, критиковавших Л.Н. Гумилева, мы ни в коем случае не умаляем их собственные научные заслуги.

В работе используются следующие методы:

общетеоретические: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование;

общенаучные: *диалектический* метод, позволивший выявить сложный нелинейный характер развития взглядов Л.Н. Гумилева и одновременно неоднозначность их восприятия; *типологический* и *системный* методы, с помощью которых рассмотрено становление Л.Н. Гумилева как ученого во взаимодействии и взаимосвязи различных (личностных и научных) факторов и проведена систематизация существующих оценок и взглядов на его наследие; *научоведческие подходы* (К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд), благодаря которым осуществлена реконструкция логики научного творчества Л.Н. Гумилева, его взгляды и теории рассмотрены в общем контексте развития науки, что позволило поставить под сомнение представление об их формальной ненаучности («нефальсифицируемости») или каком-то «особенном» научном пути Л.Н. Гумилева;

общегуманитарные: приоритет источника, аналитико-описательный метод, метод сравнительно-исторического анализа, синхронический и диахронический анализ, ретроспективный анализ, метод критической истории (в понимании Л.Н. Гумилева и Р.Дж. Коллингвуда).

Мы опирались также на новое направление в российской этнологии, основанное Г.А. Комаровой, – «*антропологию академической жизни*»⁶⁸. Цель этого направления – выявление этнологическими методами скрытых механизмов отношений внутри научной среды, ее неписанные правила, особенности научного этикета и этикета. В рамках данного подхода были проведены личные беседы с представителями важнейших направлений критики Л.Н. Гумилева: Ю.И. Семеновым и В.А. Шнирельманом (этнография и этнология), С.Г. Кляшторным (востоковедение, тюркология)⁶⁹, Е.Е. Кузьминой (археология евразийских кочевников). Это позволило посмотреть на симпатии и антипатии по отношению к Л.Н. Гумилеву под другим углом – не только с научной, но и с личностной стороны. При этом *дезаксиологический подход* позволил избежать субъективности и оценочности в рассмотрении ключевых положений полемики Л.Н. Гумилева и его критиков.

Комплекс примененных в ходе работы методов позволил выявить своеобразие понимания научного наследия Л.Н. Гумилева в различных интерпретациях, а также понять специфику восприятия его личности в общем историко-культурном и общественно-политическом контексте середины – второй половины XX в.

Теоретическая и практическая значимость. В исследовании подняты важные теоретико-методологические проблемы как общенаучного уровня (роль личности в науке, проблема функционирования научных институций в разные периоды советской истории, проблемы научной дискуссии и вопрос о достоверности критики в гуманитарных науках, вопросы методологии научного исследования), так и в отношении конкретных научных дисциплин (историография истории кочевых народов Евразии, теория этноса, историография кочевниковедения, историография истории культуры кочевых народов Евразии, проблема научного наследия Л.Н. Гумилева и его коллег и оппонентов). Материалы исследования могут быть использованы в университетских учебных курсах по Отечественной истории, Истории стран Азии и Африки, историографии, при написании энциклопедических статей и монографий.

Апробация исследования. Основные положения и выводы исследования изложены в двух десятках публикаций, из которых пять входят в перечень ВАК РФ. Результаты исследования были представлены в ходе целого ряда научных мероприятий:

⁶⁸ Антропология академической жизни: традиции и инновации. – М.: ИЭА РАН, 2013.

⁶⁹ Сараев А.С. С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным) // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. – М.: Наука–Восточная литература, 2019. С. 155–178.

1. III Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 27–29 октября 2010 года).

2. Международная научная конференция «Евразийство Л.Н. Гумилева и мир народов Евразии: история, современность, перспектива» (1–4 октября 2011 г., Казань).

3. В рамках «Дней философии в Санкт-Петербурге–2011» (17–19 ноября 2011 г.): круглый стол «Идейное наследие Л.Н. Гумилева: pro et contra» (в преддверии 100-летия со дня рождения Л.Н. Гумилёва; Русская христианская гуманитарная академия); семинар «Евразийство: историософия, аксиология, идеология» (Санкт-Петербургский государственный университет).

4. Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-культурная консолидация народов России (к 1150-летию зарождения российской государственности)» (Чувашский государственный педагогический университет, Чебоксары, 20–22 апреля 2012 г.).

5. Конференции в рамках Международного научного Конгресса «Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы», посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева (Санкт-Петербург, 1–5 октября 2012 г.): Круглый стол №3 «Культура народов Евразии: единство и многообразие» в рамках пленарного заседания (Санкт-Петербург, Таврический дворец); Международная научная конференция «Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия» (2–3 октября, Санкт-Петербургский государственный университет); Международный научный симпозиум «Ландшафт и этнос в исторической географии Евразии» (3 октября 2012 г., Русское географическое общество); Международная научная конференция молодых исследователей «Культура народов Евразии в наследии Л.Н. Гумилева: взаимосвязанность исторических судеб и перспективы развития» (4 октября 2012 г., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

6. II Международная научная конференция «Наследие Л.Н. Гумилева и проблемы современной науки» (Казань, 31 октября – 2 ноября 2012 г., Казанский государственный университет культуры и искусств).

7. IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры» (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 г. Секция «Культурогенез и социокультурная динамика: нелинейные процессы в культуре»).

8. Международная научная конференция памяти С.Г. Кляшторного (1928–2014) «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г., Институт восточных рукописей РАН).

9. Международная научно-практическая конференция XIII Фаизхановские чтения «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии» (Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г.).

10. Международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир: история и культура», посвященная 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного (1928–2014) (Санкт-Петербург, 15–16 февраля 2018 г., Институт восточных рукописей РАН).

11. Четвертая международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014)» (Санкт-Петербург, 12–13 февраля 2020 г., Институт восточных рукописей РАН).

12. Пятая Международная научно-практическая конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти С.Г. Кляшторного (Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2023 г., Институт восточных рукописей РАН).

Положения, выносимые на защиту:

I. В отношении Л.Н. Гумилева как ученого существует две реальности: официально-академическая и неофициальная, но также академическая. Примирить две эти реальности до сих пор не представлялось возможным. Первая представлена трудами самого Гумилева, которые публиковались академическим издательством «Наука» и неизменно под грифом АН СССР или Института востоковедения АН СССР. Статьи Гумилева выходили в ведущих профильных журналах. Гумилев – автор статей в Большой советской и Советской исторической энциклопедиях. Эти и прочие факты неопровержимо свидетельствуют о месте Л.Н. Гумилева в советской науке и признании научности его трудов на разных уровнях. В то же время мнение о Гумилеве в широкой научно-академической среде было различным, в том числе снисходительно-скептическим и даже резко отрицательным: на его труды писались разгромные рецензии, затем все шире распространилось их игнорирование, а если и упоминалось имя Гумилева, то зачастую без ссылок на конкретные его работы.

II. Л.Н. Гумилев – создатель первой связной и достаточно подробной истории внутренней Евразии (Центральной Азии, Великой степи) на русском языке. Это достижение, несмотря на значительное продвижение науки со времени выхода его основных монографий, в полной мере не перекрыто до сих пор.

III. Труды Л.Н. Гумилева имеют большое значение для народов России, для представителей науки и культуры в национальных республиках. Исследования по региональной истории редко поднимаются с уровня локального дискурса до вовлечения в какой-то больший масштаб. Такая мозаичность сама по себе несет угрозу распада общероссийского нарратива на ряд не связанных между собой, часто противоречивых и взаимно конфликтных историй. В этом смысле труды Л.Н. Гумилева для многих пред-

ставителей коренных народов России создают своеобразный мост, позволяющий подняться от своих этнических историй до общеевразийского уровня.

IV. Эвристический потенциал наследия Л.Н. Гумилева заключается в разработанной им системе частных методов ведения исторического исследования, а также обоснованной им общенаучной методологии. Эта система, вызвавшая резкую критику со стороны современников (в силу ее несоотнесенности с официальной марксистской методологией), в постсоветское время принята многими исследователями и заключается в необходимости соизмерения масштаба темы или проблемы со способом ее исследования и затем изложения, что сформулировано метафорически как взгляды «с высоты птичьего полета» (всемирно-исторический подход), «с кургана» (собственно нарративная история), «из мышиной норы» (микроистория).

V. Безусловно, многое в работах Л.Н. Гумилева оказалось ошибочным или просто устарело. Однако даже когда труды Л.Н. Гумилева потеряют свою практическую значимость, они останутся важным элементом отечественной историографии, а общая концепция степной истории и отдельные частные идеи и выводы, несомненно, сохранят свою ценность и для будущих поколений исследователей.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых делится на три параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Во **Введении** определены актуальность исследования, его объект и предмет, поставлены основные цели и задачи, рассмотрена степень изученности проблемы, описана источниковая база, заданы методы, показана практическая и теоретическая значимость исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки идей, оценки и критика

Первая глава исследования посвящена двум взаимосвязанным проблемам: внешней – проблеме восприятия научной средой личности и наследия Л.Н. Гумилева; внутренней – реконструкции внутренней логики научного пути Л.Н. Гумилева на основе сохранившихся документов и его собственных свидетельств.

1.1. Проблема «особого» взгляда Л.Н. Гумилева в науке и в восприятии научной среды. Параграф представляет развернутый ответ на вопрос, поставленный С.Б. Лавровым: «...а так ли оригинален был Л.Н. <Гумилев> или это просто наше общее незнание классиков исторической науки "работает" на его исключительность...». Главная цель параграфа – анализ феномена иррационального неприятия Л.Н. Гумилева значительной

частью научной среды. «Особость» (в значении «маргинальность») взглядов Л.Н. Гумилева постулировалась в первую очередь его критиками. В результате чего сложилось стойкое убеждение, будто любые взгляды Л.Н. Гумилева ненаучны, тогда как нередко точно такие или весьма схожие положения можно обнаружить в не подвергаемых сомнению работах других авторов или даже в работах самих критиков.

Примеры, рассмотренные в параграфе, касаются разнообразных тем и проблем, подбор которых продиктован наличием критики соответствующих взглядов Л.Н. Гумилева: хазарская археология и история, древнетюркский погребальный обряд, восточные влияния в «Слове о полку Игореве», отношения кочевников и земледельцев.

По тем же и ряду других вопросов рассмотрено «особое» отношение коллег к Л.Н. Гумилеву, заключавшееся, в частности, в игнорировании его трудов даже в тех случаях, когда делать это, казалось бы, невозможно. Обозначено и такое явление, как усвоение идей Л.Н. Гумилева при их внешнем отрицании: что-либо высказанное впервые в историографии именно Л.Н. Гумилевым становилось впоследствии общим местом, а применительно к его трудам это объявлялось (иногда по незнанию, иногда намеренно) неоригинальным и давно известным.

Отдельный экскурс посвящен возникновению предвзятого отношения к Л.Н. Гумилеву в научной среде, коренящемуся в давней полемике между Л.Н. Гумилевым и А.Н. Бернштамом.

1.2. Внутренняя логика творчества Л.Н. Гумилева и место его теории в ряду историософских схем. Параграф развивает идеи предыдущего, но уже в приложении к теории этногенеза Л.Н. Гумилева. В центре анализа – обстоятельства и этапы создания теории, отразившиеся в научной биографии автора. Для решения поставленной задачи разобраны представления исследователей о характере научного пути Л.Н. Гумилева, обобщены и сведены в ряд групп мнения критиков теории этногенеза. Логика научного пути Л.Н. Гумилева прослежена на основе его работ, переписки и воспоминаний.

Традиционно в научной биографии Л.Н. Гумилева выделяют два периода: 1) середина 1930-х – конец 1960-х гг. – изучение истории народов Востока; 2) конец 1960-х – 1992 гг. – разработка и утверждение пассионарной теории этногенеза и переосмысление на ее основе ранних работ. Однако более детальный подход к источникам показал, что над проблемами этноса и пассионарности Л.Н. Гумилев начал размышлять в те же годы, что и над проблемами истории кочевников Евразии, – по крайней мере, с конца 1930-х гг. Другое дело, что он долго не решался публиковать продуманную концепцию. Более того, изначально она предполагалась лишь в качестве теоретического приложения к разрабатываемой Л.Н. Гумилевым истории народов Центральной Азии, но затем переросла этот замысел благодаря чрезвычайно удачному понятию «пассионарность». По рассказам Л.Н. Гу-

милева, само слово пришло ему в голову во время заключения (март 1939 г.), что подтверждается прямыми данными: в лагерных письмах и рукописях Л.Н. Гумилева (1953–1956 гг.) уже встречаются понятия «этногенез», «пассионарность» и ряд других, вошедших затем в его теорию.

Схожий с Л.Н. Гумилевым путь – от конкретных исторических исследований до обобщающих концепций и теорий – прошли многие советские ученые (И.М. Дьяконов, Л.С. Васильев, Л.Б. Алаев, Ю.И. Семенов и другие). В первую очередь это были востоковеды, поскольку история Востока, на которую К. Маркс и Ф. Энгельс обращали существенно меньше внимания, давала больший простор для свободомыслия. При этом каждый исследователь, являясь специалистом в своей узкой области, имел индивидуальный взгляд на всемирно-исторический процесс, следствием чего стала взаимная критика концепций друг друга.

Таким образом, выход Гумилева на уровень историософских обобщений и разработка им теории этногенеза – явление не только не исключительное, а даже вполне закономерное и абсолютно оправданное самой историей науки.

1.3. Научный метод Л.Н. Гумилева: его истоки и проблема непонимания. Параграф отвечает на вопрос, поставленный в двух предыдущих: если не мнимая парадоксальность суждений и выводов, совсем не исключительный характер научной теории отличали Л.Н. Гумилева от его коллег, то в чем состояла несомненная оригинальность его работ, «особость» его взглядов? Самый первый и частый ответ, дающийся критиками, – в необузданной фантазии автора. Чтобы разобраться в справедливости подобного утверждения, необходимо сначала выяснить, каким образом Л.Н. Гумилев получал столь «неожиданные», а для кого-то «парадоксальные», результаты.

Часто Л.Н. Гумилева упрекают, используя его же метафору, что на историю он смотрел «с высоты птичьего полета», не заботясь о соответствии своих широких построений отдельным фактам. Это не более чем ошибочное понимание его методологии. На самом деле, Л.Н. Гумилев предложил тонкий метод критики источников, заключающийся в «отслаивании» мнений древних авторов (всегда тенденциозных) от излагаемых ими же фактов. Выстроенные таким образом в цепочку факты составляют более или менее непротиворечивую схему, в которой отчетливо видны «белые пятна». Заполнять их Л.Н. Гумилев предложил методом интерполяции: если известны конечные точки схемы (отдельные факты и события), то можно, даже не имея данных источника, попытаться восстановить причинно-следственную связь между ними. В таком случае допуск не противоречил бы уже установленной логике событий, а только дополнял бы схему. Именно последнее критики приняли за фантазирование. В действительности же, научная методология Л.Н. Гумилева может быть поставлена в один

ряд с методологическими концепциями крупнейших теоретиков истории XX в.: Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуда, М. Блока.

Важно отметить, что свой метод Л.Н. Гумилев ни у кого не заимствовал (хотя, судя по его личной библиотеке, трудами западных теоретиков методологии истории он интересовался) и пошел дальше своих предшественников, предложив общенаучную классификацию методов, которая, по сути, снимает противоречие между всемирно-историческими и циклическими концепциями. По схеме Л.Н. Гумилева – это разные уровни обобщения, одинаково пригодные для исследования, но каждый лишь в рамках своего масштаба.

Глава 2. Л.Н. Гумилев как историк-востоковед: формирование научных взглядов, ранние работы и дискуссии вокруг них

Во второй главе исследуются начальные этапы оформления предвзятого отношения к Л.Н. Гумилеву и конкретное содержание научных дискуссий по его историко-востоковедным исследованиям. Предпринята попытка реконструировать научную среду, в которой происходило формирование Л.Н. Гумилева как ученого. Также показана тенденциозность самой постановки вопроса «о степени научности» работ Л.Н. Гумилева.

2.1. Начало научной деятельности Л.Н. Гумилева (1934–1960): научные контакты, оформление круга интересов, начало неприятия. Параграф посвящен изучению конкретных обстоятельств сложения отрицательного отношения к Л.Н. Гумилеву в научной среде, которое впервые отчетливо проявилось в ходе дискуссии по монографии «Хунну» в 1962 г.

По ранним статьям Л.Н. Гумилева, письмам и воспоминаниям, в которых имеются ссылки на консультации таких классиков советского востоковедения, как А.Н. Самойлович, А.А. Фрейман, С.Е. Малов, С.П. Толстов, Н.В. Кюнер, А.А. Штукин; по архивным документам, в частности, по зачетной книжке с положительными отметками таких маститых ученых, как В.В. Струве, С.Я. Лурье, Б.Д. Греков, О.Л. Вайнштейн, Е.В. Тарле, М.И. Артамонов; по дарственным надписям на книгах, наиболее ранние из которых (1940-е гг.) оставлены А.Г. Грумм-Гржимайло, Г.Ф. Дебецем и Т.А. Крюковой, определяется круг общения и научных связей молодого Л.Н. Гумилева.

Даже из простого перечня имен видно, что Л.Н. Гумилев в «допечатный» период своей биографии прошел солидную научную школу и успел завоевать определенное уважение в научной среде. Совсем не парадоксальным, а, напротив, единственно возможным, окажется тогда мнение, что автор вышедшей в 1960 г. книги «Хунну» был далеко не начинающим ученым.

Кроме перечисленных имеются и другие факты: Л.Н. Гумилев к 1960 г. уже в течение двенадцати лет являлся кандидатом наук, а через год защитил докторскую диссертацию; самая ранняя ссылка на него в научной литературе датируется еще 1936 г. («Очерки древнейшей истории хазар»

М.И. Артамонова); в 1949 г. он уже успел поработать консультантом кандидатской диссертации (аспирантка Л.Л. Викторова стала впоследствии одним из ведущих советских монголоведов).

Единственное, чего не имел Л.Н. Гумилев – положенного его статусу числа изданных работ. Из подготовленных Л.Н. Гумилевым на момент последнего ареста в 1949 г. семи статей и одной монографии была издана всего одна статья. Виноват в этом, конечно, не сам автор. С выходом своей первой монографии «Хунну» Л.Н. Гумилев связывал надежду окончательно утвердиться в качестве равноправного члена научной среды.

2.2. Монография «Хунну» и обсуждение проблем ранней истории кочевников Центральной Азии. В параграфе анализируется содержательная сторона дискуссии вокруг монографии «Хунну» и примыкающих к ней статей по этнической истории Центральной Азии. Анализу подвергнуты вопросы, вызвавшие наибольшее число споров: 1) право историка пользоваться источниками в переводах; 2) этногенез хунну; 3) историческая этнография и 4) география Центральной Азии в древности.

В результате сопоставительного анализа взглядов Л.Н. Гумилева, его оппонентов (К.В. Васильев, С.Г. Кляшторный, Ю.А. Заднепровский, И.В. Пьянков), а также его умеренных критиков и сторонников (Л.И. Думан, С.И. Руденко, М.И. Артамонов, Б.И. Кузнецов, Л.А. Боровкова, Б.И. Вайнберг) с выводами современных исследователей (Д.Г. Савинов, Н.Н. Крадин, Н.В. Полосьмак) по всем указанным пунктам позиция Гумилева оказывается или одной из возможных, или даже одной из предпочтительных при одном общем условии – нерешенности многих проблем истории древних народов Центральной Азии. Некоторые положения, выдвинутые Л.Н. Гумилевым, могут быть признаны устаревшими, что естественно для работы, вышедшей более полувека назад. Однако в книге «Хунну» не было того фатального обилия ошибок и просчетов от некомпетентности, что автору приписывали его оппоненты.

Хотя результаты разработки Л.Н. Гумилевым древней истории народов Центральной Азии по-прежнему остаются востребованными, это не устраняет двойственности их восприятия. Несмотря на то, что на «Хунну» стоит гриф Института Востоковедения АН СССР, именно его сотрудники больше других стремились развенчать книгу и ее автора. Данное обстоятельство вкупе с рассмотренным фактическим материалом подтверждает гипотезу о первоочередности не собственно научных, а скорее корпоративных причин неприятия Л.Н. Гумилева.

2.3. Монография «Хунны в Китае»: спор синологов и номадологов. Неблагоприятный фон, созданный дискуссией вокруг книги «Хунну», сыграл свою роль двояко: во-первых, заложил основы распространившегося с тех пор предвзятого мнения о непрофессионализме Л.Н. Гумилева; во-вторых, почти на полтора десятилетия задержал выход второй части ис-

следования, посвященной истории «варварских» царств на севере Китая в IV–V вв.

К 1974 г., когда вышла книга «Хунны в Китае», Л.Н. Гумилев в своем запасе имел уже четыре опубликованные монографии и не менее сотни статей, которые переводились на один или сразу несколько иностранных языков. Однако именно выход пятой монографии всколыхнул прежнюю дискуссию.

Ввиду перечисленных обстоятельств развенчание автора не могло стать главной целью критики. На первый план теперь вышли собственно научные проблемы: 1) репрезентативность источников; 2) демография древнего Китая; 3) историческая этнография Центральной и Восточной Азии III–VI вв.; 4) проблема этнического контакта кочевников и китайцев.

Предвзятость оппонентов в известной мере присутствовала и в этой дискуссии, но направлена была не столько на автора, сколько на героев его книги. Оказалось, что совсем не «незнание» и не «непрофессионализм» Л.Н. Гумилева, а его попытка взглянуть на историю Китая с другого ракурса – глазами кочевников – вызвала острое неприятие китаеведов.

Таким образом, столкновение кочевников и китайцев в IV–V вв. проецировалось на полемику кочевниковеда и китаеведов в 70-х гг. XX в. Но это последнее было столкновением не фактов и ошибок, а различных мировоззрений, и не представляется возможным однозначно рассудить, кто здесь более прав. Кроме того, несмотря на острые дискуссии монография «Хунны в Китае» была включена в целый ряд специальных библиографий по истории Китая.

Глава 3. Проблемы построения общей концепции этнокультурной истории Евразийских степей в работах Л.Н. Гумилева.

Последняя глава исследования посвящена сквозным темам в научном наследии Л.Н. Гумилева, которые, в конечном итоге, привели его к формированию общей концепции этнокультурной истории Евразийских степей.

Далеко не сразу Л.Н. Гумилев пришел к мысли об общности регионов Евразии, даже внутри одной степной зоны. Законченная концепция нашла отражение только в последней прижизненной книге («От Руси до России») и оказалась чрезвычайно близка взглядам евразийцев. Однако нет сомнений, что Л.Н. Гумилев пришел к схожим с ними идеям самостоятельно, на что указывает обратная евразийцам последовательность выхода его работ. Если для Г.В. Вернадского книги «Начертание русской истории» и «Опыт истории Евразии» были манифестом, предшествовавшим написанию подробной истории Руси и степи, то Л.Н. Гумилев, напротив, сначала детально исследовал историю евразийских кочевников и лишь затем перешел к построению общей схемы этнокультурной истории Евразии, в которой Россия оказалась вписанной в общевразийский фон.

3.1. Проблема этнокультурной преемственности в Евразии. В основе трудов каждого ученого лежит та или иная концепция, даже если в

явной форме она не сформулирована. Для исследователей истории Великой степи такой концепцией было представление об этнокультурном единстве «тюрко-монгольских» кочевников. Это представление существовало уже в XVIII в., когда история Великой степи вполне конвенционально была поделена на три этапа: хуннский, тюркский, монгольский. Между ними для всех исследователей были очевидны хронологические разрывы, и от того, как эти «разрывы» рассматривать, зависело и представление о наличии или отсутствии связи между самими периодами.

Сообразно традиционной периодизации Л.Н. Гумилев первоначально полагал, что в истории Великой степи имели место два разрыва культурной традиции: 1) между хуннами и тюрками; 2) между тюрками (включая уйгуров) и монголами. При этом в этническом плане он объединял хуннов и тюрков, а по отдельным культурным явлениям (звериный стиль, каменные изваяния) находил определенную преемственность между хунно-тюркским суперэтносом и предшествовавшим ему скифским. Именно на концепции трех относительно изолированных периодов степной истории основана большая часть его кочевниковедческих работ.

Специалисты, затрагивавшие проблему преемственности в истории Великой степи, полемизировали с этим взглядом Л.Н. Гумилева, настаивая на единой линии степной традиции между хуннами и тюрками (С.Г. Кляшторный) и даже между тюрками и монголами (В.В. Трепавлов). На самом деле, Л.Н. Гумилев опередил своих коллег, с конца 1980-х гг. говоря лишь об одном разрыве традиции – между хунно-тюркской эпохой и монголами.

Время, когда произошел перелом в представлениях Л.Н. Гумилева, определяется на основе «анахронизмов» в его поздних работах. Появление «анахронизмов» связано с более чем десятилетней задержкой выхода ряда книг и статей, подготовленных между серединой 1970-х и началом 1980-х гг. («Этногенез и биосфера Земли», «Из истории Евразии» и другие). Когда в конце 1980-х гг. был снят негласный запрет на публикации Л.Н. Гумилева, вышли как работы, содержащие новый взгляд («География этноса в исторический период», «Тысячелетие вокруг Каспия» и другие), так и те, что пролежали в редакциях более десятилетия. Таким образом, восстанавливается не только эволюция концептуальных взглядов Л.Н. Гумилева, но и действительная последовательность написания его поздних работ, что важно для их правильного понимания.

3.2. Религиозный фактор в истории и культуре народов Евразии. В параграфе рассмотрены представления Л.Н. Гумилева о распространении мировых религий в Великой степи и результаты его реконструкции верований кочевников.

Духовную культуру кочевников и их соседей Л.Н. Гумилев изучал не в этнографическом, а в историческом аспекте, цель которого – определение места кочевой культуры среди других суперэтнических культур Евразии. Л.Н. Гумилев полагал, что схожесть религиозных представлений по-

зволяет утверждать о духовной близости и наличии культурного взаимодействия между кочевниками и их оседлыми соседями.

Так, кочевники воспринимали иранские и византийские влияния (несторианство и манихейство) и противостояли китайскому влиянию. Буддизм Л.Н. Гумилев считал поздним явлением в кочевой среде. Шаманизм, по его мнению, был заимствован тюрко-монгольскими народами у своих соседей – лесных тунгусо-маньчжурских народов – в промежутке между VII и XII вв. До этого времени кочевники исповедовали собственные, отличные от классического шаманизма, племенные религии, исследованию которых Л.Н. Гумилев уделял существенное место в своих трудах.

Также Л.Н. Гумилев сознательно разделял термины «религия» (теистические системы) и «верования» (мировоззрения, в которых отсутствует понятие «божества»). Шаманизм он относил именно к числу верований, а древнюю веру монголов, напротив, считал религией и сближал ее с тибетской «черной верой» (бон).

В параграфе рассмотрены мнения специалистов как в отношении собственно религиоведческих взглядов Л.Н. Гумилева, так и по общим вопросам верований кочевников. По ряду вопросов (сущность древнетюркской религии, природа шаманизма, методологический подход к изучению религий) выявлены схождения во взглядах Л.Н. Гумилева и его коллег, многие из которых либо предпочитали его имени не упоминать (Л.П. Потапов, Л.Р. Кызласов), либо оппонировали ему по частностям (Н.Л. Жуковская, С.М. Абрамзон). Отдельно рассмотрена полемика вокруг работ Л.Н. Гумилева по буддийскому искусству и совместным с Б.И. Кузнецовым работам по духовной культуре Тибета. В ходе анализа разграничены выявленные критикой слабые места данных работ и явно тенденциозные мнения.

3.3. Общетеоретические вопросы кочевниковедения. Работы Л.Н. Гумилева, посвященные выявлению закономерностей развития кочевой культуры, изучению социального строя и экологической адаптации кочевников более специальные, чтобы привлечь внимание широкого читателя, но в силу этого они не давали оснований для спекулятивных суждений о научной несостоятельности их автора. Именно в работах по кочевниковедению сошлись две ипостаси Л.Н. Гумилева – историка-востоковеда и создателя теории этногенеза. В этих трудах наиболее ярко отразился историко-географический синтез его идей.

Суммируя вклад Л.Н. Гумилева в кочевниковедение, необходимо указать следующее. *Во-первых*, еще в ранних статьях и томах «степной трилогии» Л.Н. Гумилев предложил независимый от марксизма взгляд на социальное развитие кочевников. Он не считал общества кочевников догосударственными или доклассовыми, или, тем более, статичными. По его мнению, социальная история кочевников имела свои подъемы и спады. Однако закономерности, некогда сформулированные для Европы, ошибочно распространять на любые народы за ее пределами. *Во-вторых*, Л.Н. Гу-

милев увязал характерные для кочевых обществ формы объединений (племена и орды) с особенностями природно-ландшафтной среды и зависящими от нее способами кочевания. Соответственно, изменение природного окружения (потепление, похолодание) или миграция в область с иными климатическими условиями влекли за собой смену способа кочевания и постепенную смену формы объединения (образование орд или их распад на племена). *В-третьих*, многие исторические события, в том числе миграции и набеги кочевников, возникновение и падение кочевых империй Л.Н. Гумилев хотя и объяснял влиянием климата, но это влияние не абсолютизировал. Колебания климата он считал важным фактором, влияющим на экстенсивное кочевое хозяйство, а через него – на стабильность кочевых объединений.

По каждому вопросу в данном разделе рассмотрены мнения предшественников Л.Н. Гумилева, его коллег, а также мнения современных исследователей, содержащие оценки тех или иных кочевниковедческих взглядов Л.Н. Гумилева.

Заключение

В Заключении подведены итоги исследования. Уделено особое внимание отражению вклада Л.Н. Гумилева в науку в первую очередь как автора обобщающих работ по истории евразийских кочевников.

Основные выводы исследования:

1. Противоречия между Л.Н. Гумилевым и рядом его коллег, вылившиеся в острые дискуссии 1960-х гг., зародились еще в середине 1930-х – второй половине 1940-х гг. Для подтверждения гипотезы о вненаучных предпосылках ранней критики Л.Н. Гумилева (в последующей значительную роль играл уже фактор инерции) в настоящей работе предпринято ее детальное рассмотрение. Нередко делаемый на основании поверхностного восприятия дискуссий начала 1960-х гг. вывод о несостоятельности всего историко-востоковедного наследия Л.Н. Гумилева не подтверждается. Нами показана неоднородность критики, которая свойственна не только разным группам авторов, но и одним и тем же авторам в разное время.

2. Вопрос об истоках основных концептуальных идей Л.Н. Гумилева поднимался неоднократно, но реальной работы по их выяснению (с необходимым для этого обращением к источникам) до сих пор не проводилось. Уже первое ознакомление с лагерной рукописью, легшей в основу книг «Хунну», «Хунны в Китае» и некоторых статей, и дополнение сведений из нее материалами переписки позволило установить важнейший для понимания всего наследия Гумилева факт: замысел теории этногенеза возник одновременно с замыслом «степной трилогии». Уже книга «Хунну» должна была стать примером синтеза истории кочевников Великой степи и разработанной Гумилевым к середине 1950-х гг. теории этногенеза. По ряду причин первоначальный замысел не осуществился, и получились две серии работ – историко-востоковедная и этнологическая.

3. Принципиальным вкладом Л.Н. Гумилева в науку является разработка новых методологических подходов к ведению гуманитарных исследований. Он предложил конкретно-историческую методiku «отслаивания фактов», сообщаемых нарративными источниками, от содержащихся там оценок, что часто неверно толкуется как отказ от использования источников вообще. Однако этот метод позволял не копировать повествование средневекового автора, а выстраивать на основе отобранных фактических данных относительно непротиворечивую (по крайней мере, отвечающую современному этапу развития науки) версию событий прошлого. В плане общегуманитарной методологии Гумилев обосновывал необходимость ранжирования концепций, методов и подходов в зависимости от масштаба изучаемой проблемы (одни закономерности понятны только «с высоты птичьего полета», но они не применимы для частных изысканий – «из мышиной норы»). В таком случае для каждого подхода – от всемирно-исторического до специального источниковедческого – найдется своя ниша.

4. Основным содержательным вкладом Л.Н. Гумилева в науку является создание связной концептуальной истории Великой евразийской степи, чему до сих пор не было дано целостной оценки. Также не претендуя на итоговое обобщение, мы сосредоточились на нескольких сквозных темах, понимание которых возможно лишь при комплексном рассмотрении всего спектра работ Гумилева.

4.1. Проблема этнокультурной преемственности в Великой степи поднималась Л.Н. Гумилевым на протяжении всей его научной жизни. Предполагая изначально объяснять ритмы истории и культуры кочевников в рамках своей теории этногенеза, но затем будучи вынужден от этого на длительный срок отказаться, Гумилев никогда не оставлял данной темы и включил в свои поздние работы («Этногенез и биосфера Земли», «Тысячелетие вокруг Каспия») большие фрагменты из ранних рукописей. На основе выявления и анализа подобных «анахронизмов» в поздних работах Гумилева мы реконструировали эволюцию его представлений по проблеме культурной преемственности – от хуннов до монголов.

4.2. Одним из факторов, с помощью которых можно коррелировать ритмы культуро- и политогенеза в степи, является религия. Начиная с 1940-х гг., Гумилев целенаправленно изучал влияние на культуру кочевников различных религиозных систем: митраизма и манихейства, тибетского буддизма, несторианства, тунгусского шаманизма. На основании отрывочных свидетельств письменных источников и не многочисленных в его время данных археологии Гумилев пытался реконструировать собственные религиозные представления хуннов, тюрков и монголов. Значительным методологическим достижением Гумилева в этой области является формулирование «исторического подхода» к изучению религии. Детали культа и догматики, ценные для этнографа, заслоняют, согласно Гумилеву, перед

историком поиск внешних связей кочевников – политических и культурных, индикатором которых и являлось распространение в степи той или иной религиозной системы.

4.3. Важное место в наследии Гумилева занимают теоретические разработки в области кочевниковедения. Среди них выделяются: изучение феномена кочевничества от его возникновения до упадка, социальная история кочевников как многовековая борьба «племен» и «орд», большой и сложный «огузский вопрос», проблема влияния климата на стабильность кочевых государств, миграции кочевников. По ряду названных тем Гумилев создал оригинальные концепции, для других предложил обоснованные решения узловых проблем. В целом, комплекс кочевниковедческих работ Гумилева представляет собой синтез его конкретно-исторических работ и теоретических идей и, между прочим, не показывает абсолютизации им фактора пассионарности.

5. Часто отмечаемая особенность (и в смысле «оригинальности», и в смысле «необоснованности») взглядов, концепций, подходов Л.Н. Гумилева является искусственно выделяемой категорией. По большому числу конкретных научных проблем (этногенеза, истории, археологии, общественного строя и культуры кочевников) позиция Гумилева вполне соотносима с той или иной группой мнений, по отношению к которым никакая «особость» не выделяется. В тех областях, где Гумилевым действительно сказано новое слово, его выводы настолько же оригинальны, насколько оригинальны выводы любого новатора в науке. Таким образом, попытки вывести Гумилева за рамки академизма или, вообще, науки, как в сторону того, что он «больше, чем ученый» (апологетический поход), так и в противоположную сторону – «неученый» (скептический подход), не имеют под собой надежного основания. Л.Н. Гумилев – безусловно ученый, а его достижения и ошибки равно научны или, согласно теоретико-научной терминологии, «фальсифицируемы».

6. О том, что Л.Н. Гумилев, несмотря на критику, всегда был формально признанным ученым, свидетельствует ряд показателей, обычно упускаемых как его сторонниками, так и оппонентами. Первый – титульные листы основных его монографий (оригинальные издания). Все они изданы либо под общим грифом АН СССР, либо – Института Востоковедения / народов Азии. Второе – академическая критика. Советские академики строго соблюдали принципы иерархии и не вступали в полемику с теми, кого считали ниже себя или с теми, кого не признавали за ученых. Поэтому полемика с академиками Б.А. Рыбаковым и Ю.В. Бромлеем должна рассматриваться под совершенно иным углом – не как доказательство несостоятельности работ Гумилева, а, наоборот, – как доказательство серьезного отношения глав советской исторической науки к Гумилеву. Третье – авторство энциклопедических статей (в Большой советской и Советской исторической энциклопедиях) и главы в университетском учебнике («Ис-

тория стран зарубежной Азии в средние века»). Отбор авторов для изданий такого уровня был чрезвычайно строгим, и просто невозможно допустить участие даже в одном из них «неученого фантазера», если бы Гумилева, на самом деле, таковым считали.

Таким образом, можно заключить, что научное наследие Л.Н. Гумилева представляет собой важную часть отечественной историографии и является ярким примером развития потенциально немарксистских идей в рамках системы официальной науки, которой так и не удалось их маргинализировать. Трагическую биографию Л.Н. Гумилева, историю создания его научных трудов, борьбу за утверждение концепций также можно рассматривать как отдельный предмет изучения, который далеко не исчерпал свой потенциал для дальнейшей разработки.

Основные опубликованные работы по теме диссертационного исследования:

Статьи в изданиях из перечня ВАК РФ:

1. Сараев А.С. Образ Чингисхана в работах Л.Н. Гумилева и проблема методики научного исследования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Серия: Гуманитарные и педагогические науки. 2012. №1(73). Ч. 2. С. 148–154.
2. Сараев А.С. Востоковедные корни теории этногенеза Л.Н. Гумилева и логика его научного творчества // Вестник КазГУКИ. 2014. №4-1. С. 19–23.
3. Сараев А.С. Какого Л.Н. Гумилева мы знаем? // Восток/Oriens. 2016. №3. С. 96–115.
4. Сараев А.С. «Волшебный палимпсест» (О значении поэзии в наследии Л.Н. Гумилева) // Тетради по консерватизму. 2023. №2. С. 368–400.
5. Сараев А.С. Сколько этносов «тюрк» существовало в эпоху тюркских каганатов? (Три концепции С.Г. Кляшторного и незамеченная концепция Л.Н. Гумилева) // Mongolica. 2023. №4 (Т. XXVI). С. 54–73.

Статьи в других научных изданиях

6. Сараев А.С. Концепция Л.Н. Гумилева о русско-татарском симбиозе и методологические подходы к ее критике // Духовно-культурная консолидация народов России (к 1150-летию зарождения российской государственности): материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. редактор В.А. Ендиряков. – Чебоксары, 2012. С. 279–291.
7. Сараев А.С. Проблема этнокультурной преемственности кочевых народов Евразии // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. Сборник статей Международного научного конгресса, посвящённого 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва, Санкт-Петербург, 1–3 октября 2012 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 495-507.
8. Сараев А.С. Историко-географический синтез в кочевниковедческих работах Л.Н. Гумилева // Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. Сборник статей Международного

научного конгресса, посвящённого 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва, Санкт-Петербург, 1–3 октября 2012 года. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 400–411.

9. Сараев А.С. Внутренняя логика творчества Л.Н. Гумилева: проблемы восприятия и понимания // Евразийство и проблемы современной науки: коллективная монография / сост. Т.В. Сорокина; науч. ред. Р.М. Валеев, Р.Р. Юсупов. – Казан. гос. ун-т культуры и искусств. – Казань: ИЦЦ «Культура», 2012. С. 82–91.

10. Бондарев А.В. Сараев А.С. Ритмы этнокультурной истории кочевых народов Евразийских степей в концепции Л.Н. Гумилева // Вестник СПбГУ. 2012. Специальный выпуск (к 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева). С. 130–143.

11. Бондарев А.В., Панченко А.Б., Сараев А.С. О праздновании 100-летия со дня рождения Л.Н. Гумилева: хроника юбилейных мероприятий // Мир культуры и культурология. Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. II. – СПб: Изд-во РХГА, 2012. С. 405–423.

12. Бондарев А.В., Сараев А.С. Проблемы восприятия научного наследия Л.Н. Гумилева: критики и скептики // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. 2015. № 3 (17). С. 33–62.

13. Сараев А.С. Огуро/огузская проблема в работах С.Г. Кляшторного и историографии // Тюркологический сборник 2013–2014: Памяти С.Г. Кляшторного. – М.: Наука–Восточная литература, 2016. С. 135–158.

14. Бондарев А.В., Сараев А.С. Русско-ордынские отношения в концепции Л.Н. Гумилева и интерпретации его критиков // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. – М.: ООО «Издательский дом „Медина“», 2017. С. 66–89.

15. Сараев А.С. Происхождение и этническая история чувашского народа в трудах Л.Н. Гумилёва // Чувашский гуманитарный вестник. 2018. №13. С. 141–165.

16. Сараев А.С. «Генеалогическое древо тюрков» в ранней концепции Л.Н. Гумилева // «Bilgamesh». International Almanac of Cultural and Social Studies. №1. Special edition. – Almaty, 2019. С. 62–75.

17. Сараев А.С. С.Г. Кляшторный и Л.Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л.Н. Гумилева и личным беседам с С.Г. Кляшторным) // Тюркомонгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С.Г. Кляшторного. М.: Наука–Восточная литература, 2019. С. 155–178.

18. Сараев А.С. Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922 г.? (к истории обнаружения и интерпретации названия «су-

вар»/«суваз» в тексте «Записки» Ахмеда ибн Фадлана // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 10 / [отв. ред. Дж.Я. Рахаев]; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.: ИРИ РАН, 2023. С. 292–365.

Научная хрестоматия:

19. Л.Н. Гумилев: pro et contra [антология / вступ. статья Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; сост., коммент. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; при участии А.В. Бондарева, А.В. Воронович, М.Г. Козыревой, А.Б. Панченко, О.В. Плебанек, А.С. Сараева]. – СПб.: РХГА; НОКО, 2012. – Подготовка текстов, в том числе архивных, комментарии, участие в написании предисловия.